

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**STUDIA HISTORIAE BULGARIAE
ET EUROPAE ORIENTALIS**

К юбилею Т.В. Волокитиной

МОСКВА
2018

УДК 94(100)“19/21”
ББК 63.3(4)
С88

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук *Е.Л. Валева*,
кандидат исторических наук *Н.С. Гусев*,
доктор филологических наук *Н.М. Куренная*,
кандидат исторических наук *А.С. Стыкалин*,
кандидат исторических наук *М.М. Фролова*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н.И. Егорова* (ИВИ РАН),
кандидат филологических наук *М.Г. Смольянинова* (ИСЛ РАН)

С88 **Studia** historiae Bulgariae et Europae Orientalis. К юбилею
Т.В. Волокитиной. Сборник статей / Редкол.: Е.Л. Валева, Н.С. Гусев, Н.М. Куренная, А.С. Стыкалин, М.М. Фролова. — М.: Институт славяноведения РАН, 2017. — 440 с.

ISBN 978-5-7576-0407-7

Сборник посвящен известному историку-болгаристу, доктору исторических наук Татьяне Викторовне Волокитиной. Книга содержит статьи отечественных и зарубежных коллег Т.В. Волокитиной. Тематика публикуемых работ, составивших два раздела, связана с новой и новейшей историей Болгарии и ее соседей, с анализом современных политических конфликтов и ролью в них наиболее значительных политических деятелей. Сборник рассчитан на специалистов по истории Болгарии, а также всех интересующихся историей Центральной и Юго-Восточной Европы.

УДК 94(100)“19/21”
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-7576-0407-7

© Авторы. Текст, 2018
© Институт славяноведения РАН, 2018

ПЕЙКОВСКА П.*

**БОЛГАРИЯ И БОЛГАРЫ
В ВЕНГЕРСКОЙ НАУКЕ
(В XIX — СЕРЕДИНЕ XX в.)**

Развитие болгаристики в XIX в. в Венгрии основывалось на давней традиции гуманитарных наук, уходящей корнями в предыдущие века. В настоящем обзоре представлено историческое развитие болгаристики в Венгрии до середины XX в. через ее основное направление — научно-исследовательскую деятельность.

Интерес к болгарам засвидетельствован в самых старых из сохранившихся венгерских источников. Сведения о древних связях между венграми и болгарями присутствуют в венгерских хрониках Средних веков и эпохи гуманизма — в хрониках Анонима и Я. Туроци¹. Данные о болгарском археологическом наследии и этнографии болгарских земель можно найти в записях венгерских путешественников, начиная с XVI в. В этом плане одни из самых богатых исторических источников — путевые заметки посланников трансильванских князей к Высокой порте XVII в., дневники венгерских политических эмигрантов в Турции конца XVII — начала XVIII в. из окружения графа Имре Тёкёли и графа Ференца II Ракоци².

В XVIII в. изучение болгарской истории в Венгрии было неотделимо от исследования средневековых взаимоотношений между венграми и восточноевропейскими народами. Болгарское прошлое присутствует главным образом в трудах церковных историков. Под влиянием французских болландистов³ венгерские иезуиты нашли множество до того не известных источников, Дьёрдь Прай осуществил их критическую обра-

---

* Пейковска Пенка — доктор исторических наук, доцент Института исторических исследований БАН.

ботку. Венгерские протестанты начали подготовку написания собственной версии венгерской церковной истории. В конце века один из них — Иоганн Кристиан (Янош Керестей) Энгель⁴, немец по происхождению, — посвятил болгарской истории отдельную книгу, в которой в духе венгерской исторической мысли того времени рассмотрел средневековую Болгарию как провинцию венгерской короны.

Во второй половине XVIII в. правление Марии Терезии и ее идеи в духе эпохи Просвещения породили в империи Габсбургов стремление к знакомству со славянскими народами монархии, включая и банатских болгар. Еще в конце XVIII в. Ласло Горове стал собирать сведения об истории банатских болгар-католиков. В 1897 г. он опубликовал обширную работу о заселении ими Баната, их демографическом состоянии и занятиях⁵.

В XIX в. в Венгрии зафиксирован первый научный интерес к болгарским землям со стороны естествоиспытателей. Он был обусловлен географической близостью Венгрии к Балканскому полуострову и тем обстоятельством, что в силу небезопасности для путешественников Европейской Турции для путешественников этот регион остался неисследованным. Развитие естественных наук в Венгрии и конкретно нужды Естественнонаучного отдела Венгерского национального музея способствовали тому, что венгерские ученые стали одними из первых европейских исследователей, занявшихся изучением флоры и фауны Балкан и, прежде всего, болгарских земель. Впервые с растительностью и животным миром внутренних районов Болгарии наука ознакомилась в 30–40-е годы XIX в. именно по публикациям венгра Имре Фривальдски⁶. В начале 1870-х годов сотрудник Ботанического отдела Венгерского национального музея Виктор Янка организовал еще две научные экспедиции в болгарские земли. Его путевые заметки были сразу же опубликованы в австрийском научном журнале «*Österreichische Botanische Zeitschrift*» («Австрийский ботанический журнал») и несколькими годами позже — в венгерском научном журнале «*Magyar növénytani lapok*» («Венгерские ботанические листы»)⁷.

Изначально исследования венгерских ученых ограничивались установлением и регистрацией видового состава болгарс-

ких флоры и фауны. Затем на накопленном богатом материале они перешли к их систематизации. Так, например, практическая работа ботаника Арпада Дегена нашла широкое отражение в научных журналах «*Österreichische Botanische Zeitschrift*» и «*Magyar botanikai lapok*». На страницах последнего на протяжении трех десятилетий Деген публиковал материалы в серии «Заметки о нескольких восточных растительных видах». Свои открытия и критические заметки в области болгарской флористики он изложил более чем в двадцати (из всех своих 111) статей, опубликованных за период с 1911 до 1934 г. Участие венгерских зоологов в описании видового состава болгарской фауны значительно скромнее. Здесь заслуживает упоминания научное творчество Гезы Хорвата, внесшего значительный вклад в описание гемиптероидной⁸ фауны Болгарии⁹.

В гуманитарных науках системный и целенаправленный интерес к болгарской проблематике возник в последней трети XIX в. В середине 1870-х годов в условиях мирового экономического кризиса Австро-Венгрия приняла новую торговую стратегию, суть которой заключалась в ускоренном проникновении на Восток¹⁰. Дополнительный импульс ему придали русско-турецкая война 1877–1878 гг. В общей имперской внешней политике у Венгрии имелись и собственные национальные цели — так называемая «венгерская линия»¹¹. В последней четверти XIX в. в венгерском обществе возникла идея, согласно которой Венгрия должна стать мостом между Западом и Востоком, поскольку она является непосредственным соседом Балкан. Родилось и понятие «восточная тропинка венгерской внешней политики», включавшее балканские земли, европейские и азиатские провинции Османской империи вместе с Египтом.

Еще первый председатель правительства Венгрии после Соглашения и общий министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1871–1879 гг. граф Дюла Андраши, подчеркивал политическую и экономическую роль Венгерского королевства на Балканах в Средние века. Он считал, что этой традиции, прерванной османским нашествием, необходимо следовать и в новой политической обстановке 80-х годов XIX в.

Его преемник на посту министра иностранных дел Австро-Венгрии с 1879 г. до 1882 г., а после того общий министр фи-

нансов — Беньямин Калай также подчеркивал торговые интересы Венгрии на Балканах и отмечал роль культурных связей в реализации более эффективной балканской политики. Впоследствии эту концепцию развил венгерский историк Лайошем Таллоци¹². По его мнению, для успешности влияния Венгрии на Балканах необходимо изучить балканские народы и познакомиться с ними венгерскую общественность. Этому Таллоци посвятил все свое научное творчество.

Способствовали развитию научного интереса к Балканам и новые тенденции в гуманитарных науках. В 1851 г. в выступлении перед Венгерской академией наук видный либеральный политик, языковед и этнограф Пал Хунфалви определил изучение истории венгерского языка как национальную миссию венгерских интеллектуалов. И, таким образом, исследование этимологии венгерского языка началось одновременно с выяснением происхождения венгров и исторических связей с народами, встретившимися на их пути из Средней Азии в Центральную Европу, поскольку тогда проблемы происхождения языка считались тождественными происхождению этноса.

В результате возникли два научных направления — славистика и тюркология, развитие которых было связано с изысканиями венгерских языковедов в области языка протоболгар и староболгарского языка VIII–X вв., выявлением заимствований в венгерском языке, среди которых определенное место занимали протоболгарские и славяно-болгарские. Интерес к болгарскому влиянию на венгерский язык был напрямую связан и с внутренним развитием венгерского языкознания, с 70-х годов XIX в. принявшего сравнительно-исторический метод младограмматической школы¹³. Значительный толчок изучению исторических (включая и языковые) связей между протоболгарами и венграми дала так называемая финно-угорская война в языкознании 80-х годов XIX в., когда столкнулись две основные точки зрения на происхождение и характер венгерского языка: алтайское и финно-угорское.

Основоположник тюркологии в Венгрии Арминий Вамбери и специалист по финно-уграм Йожеф Буденц отстаивали свои позиции, опираясь главным образом на лингвистическое родство. Вамбери признавал приоритет финно-угорских элементов в венгерском языке, но подчеркивал важную, хотя

и второстепенную, роль связей с тюрками. Согласно Буденцу, в венгерском языке есть лишь минимальное присутствие тюркских элементов, которое можно объяснить исторически, но не через теорию исторического родства. Буденц первым указал на заимствования, старочувашское происхождение тюркизмов в венгерском языке.

Тюрколог Бернат Мункачи развил его гипотезу и утверждал, что самые старые тюркские слова в венгерском языке были позаимствованы в V в. из языка протоболгар-оногур, чьим прямым наследником является чувашский. Он тщательно изучил важные для выяснения протоболгарского влияния чувашский и монгольские языки и обогатил составленный Буденцем список протоболгаризмов в венгерском языке. В конце XIX в. в спор вмешался и славист Оскар Ашбот, который оспорил точку зрения Мункачи. По его мнению, болгарское влияние на венгерский язык было оказано только в бассейне Дуная, после того как венгры «обрели родину на Дунае», а славянские элементы в нем заимствованы из языка, близкого к староболгарскому. В связи с работой по древней венгерской истории и, в частности, по исследованию языковых памятников куманов, тюрколог Геза Кун в 1896 г. и 1898 г. опубликовал два кратких сообщения о языке волжских болгар¹⁴.

В начале XX в. в Венгрии более молодое поколение тюркологов и славистов заявило о себе солидными научными трудами. Тюрколог Золтан Гомбоц изучил язык чувашей и установил, что венгерский язык позаимствовал много слов из тюркского, близкого к чувашскому. Этот язык он приписал протоболгарам. Славист Янош Мелих считал, что славянские заимствования происходят из различных языков и перешли в венгерский в разное время.

Для доказательства наличия средневековой традиции венгерско-балканских взаимоотношений, а также под влиянием позитивизма во второй половине XIX в., в венгерской исторической науке начались поиск и публикация источников по историческим связям между венграми и балканскими народами в Средние века. Первым сборником документов, посвященным болгарам, является том об Охридской и Тырновской епархиях из серии «Новых документов эпохи династии Арпадов»¹⁵, составленный по поручению Исторической комиссии

при Венгерской академии наук Густавом Венцелем. Связи между венграми и болгарами в Средние века нашли место в труде историка Дюлы Паулера «История венгерского народа во время королей из династии Арпадов», изданном в 1893 г. и получившем награду Венгерской академии наук. В конце XIX в. Таллоци написал первую обобщающую работу о болгаро-венгерских взаимоотношениях в Средние века¹⁶ и сопровождал ее новыми документами.

Особое место в специализированной литературе последней четверти XIX в. занимает история расселения банатских болгар или «южновенгерских болгар», как их называли в то время венгерские ученые. Тут, прежде всего, необходимо упомянуть классический труд монаха-францисканца, банатского болгарина Евсевия Ферменджина «*Acta Bulgáriáé ... ecclesiastica*»¹⁷. Он представил полное собрание писем и докладов в Рим болгарских католических священников Конгрегации евангелизации народов. Об источниках в этой работе Л. Таллоци писал: «Многие из них являются настоящими жемчужинами истории католицизма <...> на Балканском полуострове в XVI–XVIII в. <...> Без них мы бы не поняли общество на Балканах и в бассейне Дуная во времена османского владычества»¹⁸. Тема заселения католическими болгарами Баната была весьма подробно разработана и в нескольких значительных монографиях о заселении Южной Венгрии¹⁹.

Немаловажную роль в развитии венгерской болгаристики играли и творческие интересы самих ученых. Так, например, Йозеф Хампель изучал восточные культы эпохи римского владычества в Паннонии. В начале XX в. он интересовался памятниками религии фракийцев в болгарских землях. Результаты исследований культа так называемых дунайских всадников он опубликовал в ряде статей под заглавием «Конные божества на античных памятниках Подунавья», в которых рассмотрел и памятники римской эпохи в болгарских землях²⁰. А в 1920-е годы тема фракийского бога-всадника нашла место в научном творчестве преподавателя Сегедского университета Арпада Будая, проанализировавшего известные в то время памятники в Болгарии.

Усилению интереса венгерских ученых к болгарской народной культуре способствовало оформление в середине XIX в.

этнологии в самостоятельное научное направление. Этот интерес проявлялся в наблюдениях за болгарским фольклором, сборе сведений о нем и его популяризации через обнародование в книгах или через публикации в прессе.

Определенную этнографическую направленность имели трехтомные путевые заметки жившего в Вене венгерского географа и этнографа Ф. Каница «Дунайская Болгария и Балканы»²¹. В них он обобщил впечатления от своих многократных путешествий по Болгарии, осуществленных в 60-е и первую половину 70-х годов XIX в. Во французском издании книги Ф. Каниц в отдельной главе опубликовал специальный этнографический очерк о болгарах²². Этот значительный труд сыграл важную роль в знакомстве венгерской общественности с историческими и культурными ценностями болгарского народа²³.

Еще в начале 1870-х годов другой венгерский географ и языковед — Бела Эрёди — на страницах «*Воскресной газеты*» («*A vasárnapi újság*») впервые представил на венгерском языке болгарские народные верования, обычаи и народную поэзию²⁴. Будучи переводчиком австро-венгерской группы инженеров, занимавшейся строительством железнодорожной сети в Османской империи, он имел возможность ездить по Болгарии и собирать фольклорный материал. В 1879 г. Эрёди опубликовал в журнале «*Венок*» («*Koszorú*») исследование «Болгарская поэзия», в которое включил семь болгарских народных песен²⁵, а в 1892 г. он переиздал их вместе с песнями других балканских народов²⁶.

В результате развития этнологии в Венгрии появились и более глубокие этнографические научные разработки. В 80-е годы XIX в. они были связаны с научной работой венгерского географа и этнографа Гезы Цирбиуса, изучившего народную культуру банатских болгар. Он — автор первого научного этнографического очерка о банатских болгарах «Этнографическое описание южновенгерских болгар». 90-е годы того же столетия связаны с фольклористической деятельностью венгерского экономиста, фольклориста и дипломата Адольфа Штрауса. По время частых поездок по Болгарии он собирал народные песни, которые опубликовал в 1892 г. под заголовком «Сборник болгарской народной поэзии». В предисловии к книге известный болгарский фольклорист и литератур-

ный критик Иван Шишманов подчеркивал достоинства этого «болгаро-мадьярского сборника»²⁷, который находил «единственным в европейской литературе по роскошности издания и богатству своего содержания». В 1897 г. за «Сборником болгарской народной поэзии» последовали «Болгарские народные верования». Почти одновременно с венгерскими изданиями фольклористические труды Штрауса были опубликованы и на немецком языке, что весьма поспособствовало популяризации болгарской культуры в Австро-Венгрии и Германии²⁸.

Усиление интереса к болгарской народной культуре в Венгрии в последнее десятилетие XIX в. связано с деятельностью созданного в 1889 г. Венгерского этнографического общества, состоявшего из нескольких специализированных секций, в том числе по изучению живущих в Венгрии национальностей. Первым председателем болгарской секции избрали А. Штрауса, а в 1890 г. — Г. Цирбиуса.

В начале XX в. на венгерскую болгаристику оказали влияние как некоторые новые тенденции в гуманитарных науках, так и международная обстановка накануне Первой мировой войны, поставившая южных славян в центр интересов Австро-Венгрии. В это время Л. Таллоци подготовил специальный меморандум о действиях Венгрии в области культуры и экономической политики после наступивших на полуострове перемен. Этот меморандум знаменует поворотную точку в культурной политике Венгрии на Балканах. В документе Таллоци представил целостную программу венгерского культурного и экономического проникновения в регион. Она предусматривала участие в научно-исследовательской работе, посвященной балканским странам, не только Венгерской академии наук, но и таких специализированных институтов, как Национальная статистическая служба, Национальный музей, Этнографический музей и Геологический институт. Среди важных инициатив были подготовка Венгерской академией наук «Балканской энциклопедии» и «Сербо-болгаро-влашско-греко-албано-венгерско-немецкого словаря».

Определенная специфика болгаристической научно-исследовательской деятельности в венгерской гуманитарной науке состояла в том, что в первой половине XX в. на нее оказывала влияние выдвинутая в Венгрии туранская идея этни-

ческого родства народов, чьей прародиной является Средняя Азия (турки, татары, болгары, венгры и др.). Целью созданного в 1910 г. общества «Туран» являлось объединение в одну культурную и экономическую общность родственных венграм европейских и азиатских народов, стимулирование исследований народов туранского происхождения и их духовных и материальных достижений²⁹. В 1913 г. оно организовало экспедицию в Среднюю Азию, где венгерские ученые исследовали остатки протоболгарской столицы Болгара.

Интерес венгерских ученых к болгарской традиционной материальной культуре, засвидетельствованный в конце первого десятилетия XX в., был связан с созданием Восточного музея при Восточной торговой академии в Будапеште и с взглядами его первого смотрителя этнографа Иштвана Дёрфи. Тематикой его исследований были восточное наследство в венгерской традиционной культуре, в частности, тюркские элементы, сохранившиеся с эпохи, предшествовавшей «обретению родины на Дунае». Это определило предмет и объект его собирательской деятельности в Болгарии в 1911–1913 гг. и 1916 г. — традиционная материальная культура не только болгар, но и живущих там татар и турок.

В археологии оставила свой, хотя и небольшой след идея венского искусствоведа Йозефа Стршиговского о связи Мадарского всадника³⁰ с сасанидскими рельефами Накше-Рустама в Иране³¹. Его ученик, венгерский археолог Геза Шупка видел в рельефе непосредственно иранское влияние. Это утверждение, как мы увидим далее, оказало влияние на научное творчество Гезе Фехера в области изучения протоболгар.

Конец Первой мировой войны, распад Австро-Венгрии и Версальские соглашения создали иную общественно-политическую среду для развития болгаристики в Венгрии. Послевоенная Венгрия была разделена и оказалась в международной изоляции, которую пыталась преодолеть, наладив взаимоотношения с соседними странами в надежде на ревизию мирных договоров, что разрешило бы ее территориальные проблемы и проблемы, связанные с национальными меньшинствами.

По мнению министра религии и культуры 1920-х годов Куно Клебельсберга³², этого можно было достичь развитием

науки в Венгрии, что соответствовало идеям Таллоци в новых политических условиях. Поскольку по результатам Нейиского мирного договора после войны Болгария находилась в такой же международной изоляции, Венгрия считала её возможным союзником, в связи с чем венгерские официальные политические круги пропагандировали туранскую идею и указывали на «мадяро-болгарское этническое родство» как политическую предпосылку для венгерско-болгарской дружбы.

В межвоенный период в Венгрии начала развиваться византистика, протоболгары стали объектом изучения венгерских византинистов в связи с мадяро-византийскими взаимоотношениями. Эта тематика нашла место в научном творчестве Енё Дарко, который как участник Семинара К. Крумбахера в Мюнхене рассматривал византийские хроники как источники по венгерской истории. В 1933 г. в Веймаре вышел его труд о мадяро-византийских взаимоотношениях во второй половине XIII в.³³ Другим венгерским ученым, использовавшим византийские источники для изысканий в области истории тюркских народов и изучившим сохранившиеся в них тюркские языковые остатки, является Дюла Моравчик³⁴.

В области венгерской протоболгаристики наиболее значимо творчество Гезы Фехера. В межвоенный период он работал в Болгарии, исследуя ранние мадяро-болгарские связи (V–XI вв.). Фехер активно участвовал в археологических раскопках, где вместе с болгарскими коллегами искал памятники культуры протоболгар, принесенной ими с их прародины, находившейся по соседству с Сасанидской Персией³⁵. Протоболгарский язык и тюркские заимствования в венгерском языке, ранние связи венгров с тюркскими народами, а также с печенегами и куманами, — основные темы Дюлы Немета.

В 1926–1927 гг. венгерский этнограф из Дебрецена Иштван Эчеди провел полевые исследования в Болгарии с целью найти сохранившиеся в болгарской народной культуре древние элементы, на основании которых можно было сделать выводы и о венгерском влиянии. Он изучил и традиционную культуру болгарских турок. В результате многолетних наблюдений и под впечатлением от работ И. Эчеди у И. Дёрфи родилась идея разработать целостную программу системных полевых исследований в Болгарии, в которую бы включились и болгар-

ские этнографы. В 1929 г. он осуществил научную командировку, чтобы выяснить, какие районы страны подходят для системного сбора материала. Дёрфи специально интересовался бытом и обычаями турок и гагаузов северо-восточной Болгарии, поскольку именно эти народы ассимилировали живших там куманов и печенегов.

Теоретические разработки композитора Белы Бартока в 30-х годах XX в. в области этномузыкологии также были созвучны общим тенденциям в венгерской гуманитарной науке: он изучал болгарские народные песни в сопоставлении с балканским и восточноевропейским песенным фольклором в целом, чтобы выявить корни венгерской народной музыки и определить в ней поздние наслоения³⁶. В 1912 г. в городе Винге Барток записал на фонограф песни банатских болгар. Эти записи являются первыми зарегистрированными болгарскими сельскими мелодиями, они были изданы в 1935 г. в небольшой книге под названием «*Musique paysanne serbe (№ 1–22) et bulgare (22–28) du Banat*».

В Венгрии научный интерес к Болгарии преломлялся и через призму других исследовательских тем, таких как, например, Кирилло-мефодиевская традиция³⁷, экономическая роль так называемых греческих (балканских) торговцев³⁸, среди которых было много болгар, пребывание в болгарских землях Л. Кошута и эмигрировавших с ним его соратников³⁹, хозяйственное значение болгарских огородников для Венгрии⁴⁰.

После Первой мировой войны полевые исследования венгерских ботаников и зоологов на Балканах были обусловлены новыми тенденциями в развитии биологии. Если в XIX — начале XX в. ученые регистрировали многообразие растительного и животного мира и сравнивали различные регионы, то в межвоенный период они начали заниматься вопросом происхождения видов и искать причины этого многообразия. Возникла необходимость обширных полевых исследований в рамках конкретного вида для изучения его популяции. Балканы предоставляли большие возможности для выяснения проблем происхождения видов, поскольку являются одним из генетических центров Средиземноморской зоны. Что касается интереса венгерских биологов к полевым исследованиям в Болгарии, необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство

тво — Черноморское побережье и опытная станция в Варне открывали для них отсутствующие на родине возможности для изучения морской флоры и фауны.

В 20-е годы минувшего столетия по стопам Имре Фривальдски пошли энтомолог Йенё Фодор (в высокогорных районах страны), зоологи Лайош Биро (в 1928 г. в северо-восточной и юго-западной Болгарии) и Золтан Силади (в 1928–1929 гг. Антал Пинзеш (в 1929) вместе с Андором Бартой (в 1935–1936 гг. по Витоше, Пирину и Страндже).

Проникновение болгарской тематики в венгерскую науку в XIX в. было связано с подчеркнутым вниманием ученых к историческим источникам, с возникновением византистики, тюркологии, славянского языкознания, ботаники и зоологии в Венгрии. Это стало результатом усилий венгерских ученых по открытию новых документов о связях венгров со славянскими народами (в том числе и с болгарами) в прошлом, поиску византийских источников по венгерской истории, определению тюркского и славянского наследства в венгерском языке, быте и культуре. Для ботаники и зоологии Балканы были одним из немногих остававшихся неизученными регионов Европы.

В последней четверти XIX — первой половине XX в. венгерская болгаристика развивалась в тесной взаимосвязи с болгарской наукой. Научный обмен происходил различными способами: через корреспонденцию и личные встречи на международных форумах, через труды, публикуемые на доступных западноевропейских языках, через работы венгерских ученых, изданные в Болгарии, и болгарских ученых — в Венгрии. Осуществленный научный обмен означал взаимопомощь и взаимовлияние, и, в конечном счете, совместный шаг вперед.

Вклад венгерских ученых в болгаристику состоит в популяризации болгарской культуры в Западной Европе через достижения известных венгерских ученых в области болгаристики; во всестороннем исследовании протоболгар — их истории, языка, культуры и быта; в изучении традиционной культуры банатских болгар еще в XIX в., когда в самой Болгарии к ним не проявляли особого интереса; в поисках документов по болгарской истории в венгерских архивохранилищах; в изучении и регистрации болгарской флоры и фауны.

Перевод с болгарского Гусева Н.С.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Самая древняя венгерская хроника (около 1200 г.) — хроника Анонима, который, предположительно, являлся хронистом короля Белы III: *Anonymus P. mester. A magyarok cselekedeteiről. Gesta Hungarorum; Thuróczy J. Chronica Hungarorum. Brünn; Augsburg, 1488.*

² См.: Маджарски пътеписи за Балканите. XVI–XIX в. / Сост. П. Миятев. София, 1976.

³ Болландисты — общество ученых-иезуитов, издателей собрания житий святых «Acta Sanctorum», публикация которых ведется с XVII в. и до настоящего времени (Православная энциклопедия. Т. 5. С. 651).— *Прим. пер.*

⁴ *Engel J. Ch., von. Geschichte des Ungarischen Reiches und seiner Nebehlaender. Ester Theil. Geschichte des alten Pannoniens und der Bulgarey, nebst einer allgemeinen Einleitung in die Ungarische und Illyrische Geschichte. Halle, 1799.*

⁵ *Gorove L. A bántási bolgároknek hajdani és mostani állapotuk // Tudományos Gyűjtemény. 1837. Vol. VIII. P. 3–65; Ibidem. Vol. IX. P. 3–63.*

⁶ *Frivaldszky I. Antrag der im Jahre 1833 und 1834 in der Europäischen Turkey, namentlich in Rumelien, auf dem Balkan und Rhodope gesammelten wildwachsenden Pflanzen / Von C. Heinike und C. Monolesco // Flora. 1835. Vol. 1. P. 53–59; Közlések a Balkány vidéken tett természettudományi utazásról // Magyar Tudos Társaság Évkönyvei. 1836. II. P. 235–276; Dr Frivaldszky Imre Magyar Académiai l. tag újabb közlései az általa eszközölt Balkányi Természettudományi utazásról. Budán, 1838; Idem. Balkány vidéki természettudományi utazás. 2. közlés // Magyar Tudos Társaság évkönyvei. 1840. IV. P. 194–207.*

⁷ *Janka V. Correspondenz aus Philippopel am 5.VII.1871 // Österreichische Botanische Zeitschrift (далее — Öst. Bot. Zs). 1871. XXI. P. 215–219; Correspondenz aus Philippopel am 30.VIII.1871 und Burgas (am schwarzen Meere) am 9.IX.1871 // Öst. Bot. Zs. 1871. XXI. P. 285–288; Idem. Növénytani kirándulások Törökországban // Magyar növénytani lapok. 1878. P. 187–190; 1879, Ibidem. P. 99–102; Ibidem. 1879. P. 121–124, 131–134.*

⁸ Гемиптероидную группу отрядов (надотряд Hemipteroidea) составляют насекомые с грызуще-сосущим и колюще-сосущим ротовым аппаратом и со вторично упрощенными крыльями. К ним относятся такие отряды, как сеноеды, пухоеды, власоеды, вши, трипсы, полужесткокрылые (клопы) и равнокрылые (*Шарова И.Х. Зоология беспозвоночных. М., 1999. С. 471–472*).— *Прим. пер.*

⁹ *Horváth G. Note sur les Hémiptères du Haut-Balcan et de la Dobrudja // Annales de la Société entomologique de Belgique. 1884. XXVIII. Compt.-*

rend. P. 114–116; *Idem*. Prilog khemipterskoj fauni bugarskoj // Glasnik hrvatskoga naravoslovnoga druztva. 1890. V (Zagreb). P. 187–188.

¹⁰ *Palotás E.* Az Osztrák-Magyar monarchia balkáni politikája a Berliini kongresszus után. 1878–1881. Budapest, 1982. P. 16–17.

¹¹ *Peykowska P.* The Effect of Politics on Bulgarian-Hungarian Cultural Relations. 1880–1941 // *Bulgarian Historical Review*. 1994. P. 121–130.

¹² *Tömöry M.* Thallóczy Lajos és a balkán-kérdés. Kandidátusi disszertáció. Budapest, 1978. P. 285.

¹³ Младограмматики — лингвистическая школа, рассматривавшая язык в процессе его исторического развития.

¹⁴ *Kuún G.* Adalék a volgai bolgárok nyelvéhez // *Ethnographia*. 1896. P. 120; *Idem*. Egy újabb adalék a z-r hangcseréhez a Volga-parti régi bolgár nyelvben // *Ethnographia*. 1898. P. 473.

¹⁵ *Wenczel G.* Árpádkori új okmánytár. Pest, 1870. Vol. VIII. 1261–1272. Néhány adat Bulgária egykori történetéhez (Magyar történelmi emlékek. 1. oszt., Okmánytárak).

¹⁶ *Thallóczy L.* A magyar-bulgár összeköttetések történetéhez // *Századok*. 1898. II. füz. P. 113–123.

¹⁷ *Fermezsin E.* Acta Bulgariae ... ecclesiastica. Zagrabiae, 1887.

¹⁸ *Ll-I [Thallóczy L.]*. Fermezsin E., Acta Bosnae // *Századok*. 1893. P. 610.

¹⁹ *Böhm L.* Dél-Magyarország vagy az un. Bánság külön történelme. Pest, 1867. Vol. I–II.; *Bodor A.* Délmagyarországi telepítések története és hatása a mai közállapotokra. Budapest, 1914; *Buchmann K.* A délmagyarországi telepítések története: I. Bánát. Budapest, 1936.

²⁰ *Hampel J.* Lovas istenségek dunavidéki antik emlékeinken // *Archaeológiai Értesítő*. 1903. № 4. P. 305–365; 1905. № 1. P. 1–16; 1911. № 5. P. 409–425; 1912. № 4. P. 330–352.

²¹ *Kanitz F.* Donau-Bulgarien und Der Balkan. Historisch-geographisch-ethnographische Reisestudien aus der Jahren 1860–1875. Leipzig, 1875–1879. Vol. I–III.

²² *Kanitz F.* La Bulgarie Danubienne et le Balkan. Etudes de voyage (1860–1880). Paris, 1882.

²³ *Вакарелски Хр.* Интереси и заслуги на унгарските учени към българската етнография // Българо-унгарски културни взаимоотношения. София, 1980. С. 220.

²⁴ *Erödi B.* A bolgár nép babonái // *Vasárnapi Újság*. 1871. № 29; *Idem*. Bolgár népköltemények // *Vasárnapi Újság*. 1879. № 13.

²⁵ *Erödi B.* Bulgár költészet // *Koszorú*. 1879. Vol. II.

²⁶ *Erödi B.* A Balkánfélszigeti népek költészetéből. Budapest, 1892 (Olcsó Könyvtár).

²⁷ Сборник был издан при содействии болгарского правительства.

²⁸ *Strauss A.* Bulgarische Volksdichtungen. Wien; Leipzig, 1895; Die Bulgaren. Ethnographische Studien. Leipzig, 1898.

²⁹ Turán, 1922. P. 3; Körösi Csoma Archivum. 1940. Vol. 111/1. P. III.

³⁰ Мадарский всадник — археологический объект в северо-восточной Болгарии, рельефное изображение всадника, высеченное на отвесной скале на высоте 23 м.— *Прим. пер.*

³¹ *Strzygowsky J.* Amida. Heidelberg, 1910. P. 376.

³² Tudomány, kultúra, politika. Gr. Klebelsberg Kunó válogatott beszédei és írásai. 1917–1932 / Szerk. F. Glatz. Budapest, 1990.

³³ *Darkey J.* Byzantinisch-ungarische Beziehungen in der zweiten Hälfte des XIII. Jhs. Weimar, 1933.

³⁴ *Moravcsik Gy.* Az onogurok történetéhez. Budapest, 1930. P. 37; *Idem.* Die Nameliste der Bulgarischen Gesandten am Konsyl von J. 869–870 // Bulletin de la Société Historique à Sofia. 1933. P. 8–23; Byzantinoturcica. Vol. I–II. Budapest, 1942–1943.

³⁵ *Фехер Г.* Връзката на културата на прабългарите и на маджарите с Иран // Родина. 1940. № 3. С. 103–114.

³⁶ *Bartok B.* La musique populaire de hongroise et des peuples voisins // Archivum Europae Centro-orientalis. 1936. № 5. P. 97–244; Some Problems of Folk Music Research in Eastern Europe // *Suchov B.* Bartok Essays. London, 1976. P. 173–192.

³⁷ *Kniezsa I.* A szláv apostolok és a tótok // A Magyar Történettudományi Intézet Évkönyve. Budapest, 1942. P. 178–193; Cirill és Metód működésének kérdése a Nyitra-vidéken // Századok. 1944. P. 263–269.

³⁸ *Hodinka A.* A tokaji görög kereskedő társulat kivátságának ügye. 1725–1772. Budapest, 1912; *Hajnyczy I.* A kecskeméti görögség története. Budapest, 1939.

³⁹ A Kossuth-emigráció Törökországban / Szerk. I. Hajnal. Budapest, 1927.

⁴⁰ *Révész I.* A hazai bolgár és bulgár rendszerű kertészek statisztikai ismertetése. Budapest, 1915.